

Негромкие люди
Марии Метлицкой

Мс Мария Метлицкая

Бабу лето

Москва
2016

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Художественное оформление серии *П. Петрова*

Метлицкая, Мария.

М54 Бабье лето / Мария Метлицкая. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — (Негромкие люди Марии Метлицкой. Рассказы разных лет).

ISBN 978-5-699-85984-9

Все мы знаем, как это бывает — серость и непроглядная хмарь в один момент сменяются солнцем. И вот уже листва на деревьях высохла и заиграла яркими цветами, и небо опять голубое, и депрессия, тоска отступают. Хочется дышать полной грудью, «жить, думать, чувствовать, любить, свершать открытия». Это чудо имеет название — бабье лето.

Природа словно учит нас: не надо терять надежду, нельзя ставить крест на своей судьбе.

Счастье обязательно придет — неожиданно, в одночасье. И тоска будней сменится праздником — ведь это в наших силах: разглядеть свое счастье.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-85984-9

© Метлицкая М., 2016
© Оформление. ООО Издательство «Э», 2016

Запах антоновских яблок

Нина Ивановна Горохова на судьбу не роптала и несчастной себя не считала — не тот характер. Да и к тому же всю жизнь ей внушали, что судьба ей ничего не должна.

Ко всему, что случалось в ее жизни, Нина Ивановна относилась с глубоким пониманием и почти равнодушием — ну значит, так!

Характер у нее был спокойный, рассудительный, стойкий. В истерики не впадала и подарков от судьбы не ждала.

Нормальная русская женщина.

Родители, активные строители коммунизма и светлого будущего, шли по жизни с энтузиазмом — иногда, казалось, с чрезмерным.

Сложности быта переживались просто и с юмором. Родители работали на заводе, вставали рано и были всему снова рады — даже хмурому дождливому утру.

Отец напевал что-то бодрое, громко фыркая над раковиной, мама на полную громкость включала радио и жарила большую яичницу.

Вылезать из теплой постели не хотелось, но было стыдно — она, видите ли, нежится, а родители давно бодрячком.

Когда Нина приходила из школы, на плите всегда стояли щи и котлеты с макаронами. Ну или с гречкой. На балконе остужалась банка бледно-розового киселя.

Мама говорила, что компот — баловство. А кисель — это еда. Особенно с хлебом. Еще мама говорила: «Едим без деликатесов, зато голодных у нас не бывает».

На лето Нину отправляли в деревню к бабушке. Она ходила за коровой, выпасала гусей и кормила кроликов. В августе ходили по грибы и за горохом на колхозное поле.

Горох хотя и был колхозным, государственным, собирали его все, вся деревня. И стыдно никому не было. Гороха-то море! И нам хватит, и государству останется!

Его сушили на зиму — для супа и каши, а бабушка еще варила и гороховый кисель. Ничего, кстати, вкусного! Грибы солили, из кроликов и гусей делали тушенку.

В конце августа приезжали отец с матерью, неделю «балдели», а потом сосед Петька, водитель грузовика, за трешку отвозил их на станцию. Половина кузова была заставлена банками и мешками.

Нине было неловко, когда все эти несметные баулы загружались в поезд. Но родители были счастливы.

— Теперь продержимся! — счастливо улыбался отец, поглаживая крупной рабочей ладонью мешки с картошкой и яблоками.

Нина, краснея, отворачивалась к окну.

В восьмом классе к ним пришла новенькая. Звали девочку Ингой.

Кроме необычного и красивого имени, у Инги были распушенные светлые волосы, перехваченные эластичной фиолетовой лентой, лаковые туфельки с пряжкой. И еще — полное презрение к одноклассникам мужского пола.

Посадили новенькую с Ниной. Та была счастлива, но тщательно это скрывала. На большой перемене все сорвались в столовую.

Все, кроме Инги. Из класса выходить она, похоже, не собиралась. Инга вытащила из портфеля румяное яблоко и зашелестела фольгой от шоколадки.

— А обедать, — робея, спросила Нина, — ты не пойдешь?

Инга с удивлением глянула на нее и брезгливо скривила губы.

— Щи хлебать? — с презрением уточнила она. — И перловую кашу?

Нине очень хотелось и щей, и каши, но она растерялась и тоже в буфет не пошла.

Достала учебник по физике и стала его листать.

Инга отломил кусок шоколадки, протянула соседке и достала из портфеля журнал мод с яркими картинками.

После школы Нина пошла провожать новенькую.

Инга рассказывала, что новую квартиру она не любила — далеко от центра, от потолка пахнет побелкой, да и вообще — это что, потолки?

— Что — «потолки»? — не поняла Нина. — В каком это смысле?

— Низкие, — вздохнула Инга. — Вот в Ленинграде у нас были, — она взмахнула рукой, — метров пять, не меньше! И все с лепниной! Дом графини Незнамовой, слышала?

Нина не слышала ни про дом, ни про графиню, ни про потолки в пять метров, да еще и с лепниной.

Инга рассказывала, что отца перевели в столицу, никто этому не рад, потому, что «Москва — не Питер, понятно? Деревня!»

Нина кивнула, ничего не поняв. Но спорить ей не хотелось.

— Зайдем ко мне? — предложила Инга, и Нина с трепетом и радостью согласилась.

В полутемном коридоре пахло кофе и горьковатыми духами.

Из комнаты доносился чей-то приглушенный и низкий смех.

— Тома на телефоне, — бросила Инга и пошла в свою комнату.

Нина поспешила за ней.

В Ингиной комнате не было ни красного ковра на стене, ни кровати с панцирной сеткой и металлическими шариками, ни розового тюля на окне, ни грустной грузинской «отчеканенной» девушки, которая висела почти в каждом доме.

Низкий диван с подушками, синие плотные гардины, создающие уют и полумрак, торшер на деревянной ноге с голубым абажуром и картины на стене — малопонятные, как будто смазанные, совсем неяркие, но почему-то волнующие.

— Датошка, — кивнула на картины хозяйка. — Томин поклонник.

— Томин? — переспросила Нина.

Инга кивнула:

— Томин, мамулькин в смысле. Известный грузинский художник и давний ее обожатель.

От этих слов Нине стало жарко и душно: «мамулька» — это Тома? Поклонник Дато? И все это говорится так обыденно, словно замужней женщине иметь поклонника — совсем обычная история.

Инга поставила пластинку. Музыка Нине была не знакома, но так обворожительна, так прекрасна, что ей снова стало жарко и душно.

— Поль Мориа, — объяснила Инга. — Красиво, правда? Только немного грустно.

Дверь в комнату открылась, и на пороге возникла высокая худая женщина с ярко-рыжими, почти красными, явно крашеными волосами, в черном шелковом халате, перетянутом поясом на узкой девичей талии.

— Ингуша! — с укором сказала она. — У тебя гости, а тебе хоть бы хны!

Инга скривила гримасу и фыркнула.

— Девочки! На кухню! Маша постаралась — там столько вкусного!

Инга тяжело вздохнула и кивнула Нине:

— Пошли, делать нечего! Все равно не отстанут!

Кухня тоже отличалась от кухни в Нининой квартире, как земля отличается от неба, а лето от зимы.

Вместо белой пластиковой мебели, кухонного гарнитура, за которым полгода охотилась Нинина мама, на этой кухне стоял огромный темный буфет с резными утками и зайцами. Посредине кухни царствовали большой овальный стол со скатертью и массивные, тяжелые стулья с зеленой бархатной обивкой. Совсем не кухонные стулья.

На столе стояли вазочки с печеньем, булочками и виноградом. И огромная ваза конфет, разумеется, шоколадных.

Тоμούля достала из буфета тонкие чашки — белые, с тонкой серебряной каймой — и налила из заварного чайника крепкой заварки.

— Мне чай, — пояснила она. — Кофе на сегодня определено достаточно. А ты, Инга? Кофе? И вы, Ниночка, тоже?

Нина кофе никогда не пила. Нет, пила, конечно, — растворимый из банки и столовый из титана, и еще — желудевый у бабушки.

Но вот такой, черный, ароматный, только что сваренный в медной и, видимо, очень старой турке, — точно впервые.

Пах он замечательно, но на вкус оказался терпким и горьким.

Нина видела, что Инга в чашку сахар не положила, и тоже решила пить несладкий.

Правда, было очень невкусно.

Инга и ее мать разговаривали как подруги — подтрунивали друг над другом, хихикали, обсуждали наряды и знакомых.

Потом зазвонил телефон, и Тома поспешно ушла.

— А где твоя мама работает? — спросила Нина.

— Тома? Работает! Да Тома дня в своей жизни не отработала! Скажешь тоже! — фыркнула она и засмеялась. — Ну ты даешь! — усмехнулась она. — Такие женщины, как Тома, никогда не работают! Такие женщины удачно выходят замуж — за дипломатов, военных, дирижеров и режиссеров!

Нина смутилась и покраснела, поняв, что ляпнула явную глупость.

Из дальней комнаты снова раздавался низкий Томин смех, и запахло сигаретным дымом.

После черного кофе Нину стало подташнивать и захотелось домой.

Инга ее не задерживала.

Уже в коридоре она мельком увидела комнату, где ворковала Ингина мать, — дверь была полуоткрыта.

Тома полулежала на узком диванчике-загогулине с высокой крученой спинкой, закидывая голову, выпускала тонкой струйкой дым, с интересом разглядывала, словно видела впервые, браслет на узкой руке и медленно кивала, словно одобряя кого-то или что-то.

В этой комнате тоже царил полумрак — бордовые шторы были задернуты, и горела только настольная лампа, стоящая на черном рояле.

— Тома у нас крот! — улыбнулась Инга. — Не любит наблюдать жизнь при естественном освещении. И себе больше нравится — что самое главное!

Нина не очень поняла смысл сказанного, но кивнула и заторопилась домой.

Ее собственная квартира показалась Нине такой убогой, такой тесной и такой деревенской, что она села на табуретку и расплакалась. А вот кислых щей поела с удовольствием, и тошнота моментально прошла.

Их дружба с Ингой, растянувшаяся на всю долгую жизнь, казалась странной не только Нининым родителям, рыжей Томе, школьным учителям, одноклассникам, а в дальнейшем и Нининому мужу Володе, но и самой Нине.

Красавица Инга, с томной Томулей и папашей — начальником какого-то главка (Инга и сама не знала, какого именно), с прислугой Машей, с самой модной портнихой столицы, обшивающей капризных дамочек, и с личным водителем отца

Севой, возившем девчонок по вечерам в театры, была, казалось, небожительницей.

Инга презирала всё и вся, включая собственную семью. Но простая, как медный пятак, Нина, с ее убогой жизнью и деревенскими родственниками, неожиданно стала для нее самым близким человеком.

Капризная, насмешливая, избалованная Инга, казалось, нуждается в Нине куда больше, чем Нина в ней.

Мать Нины дружбу эту не приняла

«Что тебе с ней? — недовольно спрашивала она. — Вы с ней разного поля, это ж понятно!»

Но с годами все смирились и привыкли.

Обе девочки были закрытыми и сторонились людей.

Инга прикрывалась цинизмом и иронией, а простая Нина была стеснительной и малообщительной от природы. Только оставаясь вдвоем, они, правда не сразу, начали открывать друг другу душу, делиться сокровенным и тайным. Делилась в основном Инга — Нина тайн так и не завела.

Только Нина знала о страстном романе подружки — с женатым и взрослым мужчиной. И Нина отвозила ее в больницу на аборт, Нина, а не виновник неприятности. Она же ее из больницы и забирала.

Она же откачивала бедную Ингу, когда та решила напиться снотворного, чтобы навсегда покончить с несчастной любовью.

Она же уговаривала ее на все наплевать, увлечься кем-то другим и перестать считать себя женщиной роковой.

Но Инге роль женщины-вамп явно пришлась по душе. Она любила порассуждать о любви, об отношениях между мужчиной и женщиной, о вечном непонимании между полами, о том, что мужчина никогда не сможет сделать женщину счастливой и оставить при этом свободной. Она утверждала, что мир устроен несправедливо и надо срочно что-то делать с этим — ну сколько можно, в конце концов?

Ее так мучили эти вопросы, что она изводила не только себя, но и бедную, мало что понимающую подружку. Для той во-

просы полов были ясны и закрыты — раз и навсегда. Чего там мудрить? Надо выйти замуж, родить ребенка и просто жить! Как живут ее знакомые и родители — ходить на работу, варить обед, стирать белье.

Инга поступила в институт иностранных языков на переводческий.

А Нина, несмотря на хороший аттестат, пошла в текстильный техникум. Мама сказала, что главное — не высшее образование, а специальность. И наплевать, что училась Нина неплохо и в средний ВУЗ прошла бы без проблем.

«Профессия закройщика прокормит всегда», — утверждала мама.

Нина легко согласилась — шить она любила и умела.

В двадцать лет Нина встретила Володю Горохова, просто-го таксиста, и через три месяца вышла за него замуж. Володя был ей понятен — таким был ее отец, приятели отца и соседи по дому.

Она совсем не задумывалась, любит ли она его и что такое любовь. Просто понимала одно — возраст подошел, замуж выходить нужно, и кандидатура Володи не самая плохая.

К Инге она теперь забежала нечасто — совсем не было времени.

Та доучивалась в институте, по-прежнему попадала в истории, падала из романа в роман, и каждый из них был более трагичным, чем предыдущий. Ингины избранники были как на подбор — либо женатые, либо сильно пьющие, либо не увязанные с реальной жизнью никак: доморощенные гении, начинающие диссиденты и вполне состоявшиеся алкоголики.

Инга то пропадала в мастерской какого-то скульптора, отчаянно ищущего «новые формы», либо моталась в экспедицию в калмыцкие степи за начинающим режиссером-документалистом, перепечатывала самиздатовские рукописи для очередного нового вольнодумца.

Она стала совсем худой, очень коротко остригла свои прекрасные пепельные волосы, совсем под мальчика, и это было очень трогательно и беззащитно. Носила только черные

узкие вещи — брюки и водолазки, а на тонком пальце — серебряное кольцо с огромным желтым топазом — подарок Датошки, Томулькиного кавалера. Очень много курила и пила только черный кофе с куском сыра — все.

При всей разности их жизней, и вообще при всей их *разности*, они оставались подругами.

— Ты меня успокаиваешь, — говорила Инга. — Смотрю в твои спокойные глаза и прихожу в себя, становлюсь тише. Правда, ненадолго! — смеялась она.

Однажды она спросила подругу:

— А ты Вовку своего сильно любишь?

Нина пожала плечами:

— Я с ним живу, он мой муж, Ингуша. А про все остальное... Просто не думаю.

Инга посмотрела на нее, как на душевнобольную.

— А как ты спишь с ним? — уточнила она.

Нина улыбнулась:

— А как жена с мужем! Обыкновенно!

Инга вздохнула и покачала головой:

— Мне жаль тебя, Нинка! Потому... Потому что бывает *необыкновенно*! Ты поняла?

Нина махнула рукой:

— Мне бы твои заботы.

Через три года семейной жизни Нина родила дочку Галку.

Их семейная жизнь была по-прежнему скучноватой, обыденной — работа, ужин, телевизор перед сном. Только с рождением дочки прибавилось хлопот. Да и радости тоже... Наверное...

«Так живут все», — думала Нина, когда подступала тоска.

Как-то обмолвилась маме:

— Скучно как-то, мам. Будто обязали меня.

Мама вздохнула:

— А сколько у нас в году праздников, Нин? Ну, посчитай!

Нина посмотрела на нее с удивлением:

— При чем тут праздники, мама?

Мать не ответила и стала загибать пальцы:

— Первой — это раз! Восьмое марта — два. Новый год и октябрьские, да, дочь?

Нина кивнула.

— И в жизни так же, — улыбнулась мать, — праздников по пальцам. А все остальное — будни, Нинок! Такая вот жизнь. — И мать тяжело вздохнула.

Родным человеком муж для нее так и не стал — был кем-то вроде соседа. Однажды она подумала: — А мы ведь ни разу не разговаривали по душам! Ни разу не говорили откровенно. Ни разу я не рассказала ему, что меня мучает, что волнует. И вправду — сосед. Молчаливый, угрюмый и... Чужой».

Тогда впервые она позавидовала подруге. Подумала: «Жизнь ведь пройдет, а у меня так ничего не случится! Я так и не узнаю ничего из того, от чего может кружиться голова, сжиматься горло, дрожать руки. Я не узнаю, какое счастье не спать до утра, рассматривая спящее лицо родного мужчины.

Так и пройдет моя жизнь.... Так и пройдет?»

Когда Горохов загулял — а Нина об этом узнала довольно скоро, — она удивилась одному: ее это совершенно не обидело, не задело и почти не расстроило.

Сама предложила ему уйти:

— Что тебе мучиться, Вова? Иди туда, где тебя любят и где тебе хорошо.

Он посмотрел на нее с удивлением — видимо, ожидал борьбы, слез, уговоров.

— А ты? — спросил он. — Ты меня не любишь, Нина?

Та пожала плечами. Муж вздохнул и пошел собирать вещи. Нина достала с антресолей старый чемодан.

Знала, что Горохов счастлив, родил еще сына. Увидела спустя лет семь его на улице с семьей.

Выглядел бывший муж хорошо, одет был чисто — было видно, что за ним ухаживают и о нем заботятся.

Они шли вдвоем, держась за руки, и о чем-то оживленно спорили.

Рассмотрела Нина и его жену — обычная женщина, ее примерно лет. Полноватая крашенная блондинка. Одна из сотни, а может, из тысячи. Нинина сестра-близнец.

А получалось, что нет. С Ниной Горохов счастлив не был, а с этой — счастлив наверняка. У него глаза счастливого человека — это же сразу заметно.

Подумалось тогда — даже Горохов! И у него получилось.

Нина вздохнула и поторопилась уйти. Встречаться со счастливой семейкой ей не хотелось.

Впервые расстроилась: почему не получилось у нее, у Нины? Ведь не так плох был этот Горохов! Выпивал по праздникам, и очень умеренно. Зарплату приносил неплохую. Мог починить кран и поклеить обои. Нормальный мужик — не злой и не жадный. Такими не разбрасываются — правильно говорила мама.

Только чужой он был все время.

Нине всегда казалось, что у них совсем ничего нет общего. А если подумать — дочь, квартира, отстроенная дача? И вообще — почти десять лет жизни.

«Когда тебе всего за тридцать, остаться одной не так страшно. Это не в пятьдесят, — думала Нина. — Замуж выйду еще раз пять, — шутила она, — если, конечно, будет желание».

Но не сложилось. Было пару историй, совсем мелких, незначительных. Завателье Юрий Соломонович, например. Несколько раз сходили в кафе, дважды в кино. Юрий Соломонович сказал честно:

— Семейю я не брошу, а тебе помогу.

— Чем? — удивилась Нина. — Я вроде со всем справляюсь.

Он внимательно посмотрел на нее и покачал головой.

Однажды сели в машину, и он смущенно позвенел связкой ключей.

Квартира была явно семейной, богатой и ухоженной.

Нина довольно много выпила, потом пошла в душ, долго стояла под почти ледяной водой, и больше всего на свете ей хотелось сбежать домой.